

УДК 930:001.12

А.А. Храмов

**СТОЛЫПИНСКИЕ РЕФОРМЫ В СИБИРИ
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

Предпринимается попытка осмысления современного состояния изучения истории столыпинских реформ в Сибири в свете изменения взглядов на феномен Столыпина и утверждения в исследовательской практике исторического сообщества новых методологических и концептуальных парадигм.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, реформы, сибирская деревня.

Изменение взглядов на феномен Столыпина вернуло в порядок дня объективную необходимость серьезных корректировок в оценках глубины замыслов и эффективности реформ Столыпина. Тем более это касается азиатской, и сибирской в частности, составляющей его деятельности, как наиболее результативной и значимой для края.

Различные аспекты проблемы в форме либо специальных работ или отдельных замечаний освещаются в исследованиях Д.Н. Белянина, М.А. Винокурова, Л.М. Дамешека, Е.В. Карих, Л.В. Котовича, А.А. Николаева, Г.А. Ноздрина, И.В. Островского, В.Н. Разгона, Д.Я. Резуна, Ю.М. Рогачева, В.М. Рыноква, А.П. Суходолова, А.П. Толочко, А.А. Храмова, А.А. Чиркова, Л.И. Шерстовой, М.В. Шиловского и других. При этом концептуальные конструкции отличаются большим разнообразием.

Особо отметим монографию В.Г. Тюкавкина, явившуюся, к сожалению, как бы жизненным итогом этого видного ученого [1]. Мы уже специально писали о ней [2. С. 45–65]. Касается ее и М.В. Шиловский [3. С. 133]. Это первое фундаментальное исследование нового времени, и при обсуждении историографии столыпинских реформ оно заслуживает приоритетного внимания. Отметим серьезную эволюцию предыдущей, советского времени, концепции В.Г. Тюкавкина. Именно он был главным автором и транслятором господствовавшей тогда ленинской трактовки столыпинских реформ как реакционных и потерпевших крах из-за неспособности предотвратить революцию.

Среди наиболее обсуждающихся сейчас проблем истории столыпинских реформ в Сибири выделяется переселенческая политика правительства, эффективность столыпинского проекта переселений и модернизации в крае, его последствия, место общинных и частнособственнических основ в жизни крестьянства и его ментальность.

Обращается внимание на имевшуюся прежде недооценку широкой и многосторонней государственной поддержки переселенцев в самых различных формах [1. С. 223–279; 4; 5]. Многие недостатки могут быть объяснены объективными трудностями этой гигантской программы.

Но наблюдается и явная идеализация организации переселений правительством. В монографии В.Г. Тюкавкина говорится, что денежные ссуды были недостаточны, «но они помогали дожить до первого урожая». Он пи-

шет, что статьи В.И. Ленина и советских историков, где говорилось о бедствиях переселенцев в пути и массовых заболеваниях среди них и гибели в пути, были «основаны на выступлениях левых депутатов Думы и на тенденциозной работе красноярского чиновника лесного ведомства А.Н. Комарова» [1. 221]. Версия о комаровских источниках советской литературы распространилась и в историко-популярных работах [6]. По поводу использования «вагонов-теплушек» при перевозке переселенцев В.Г. Тюкавкин утверждает, что «такие поезда из теплушек имели большое преимущество: в них можно было проехать без билета». И даже ссылается на свой личный опыт, когда он сам после Великой Отечественной войны студентом ездил в таких поездах. А в 1950-х гг. бывшие переселенцы в беседах с ним вспоминали, что «в иркутском переселенческом пункте их хорошо кормили горячей пищей, была большая замечательная баня» [1. С. 241–243]. На таком уровне, конечно, трудно полемизировать и искать истину.

В центре обсуждений историков находится вопрос об эффективности столыпинских реформ. И в первую очередь – был ли это крах реформ в целом и переселенческой политики в том числе.

Спорить можно до бесконечности. В оценке эффекта столыпинской реформы одни могут делать упор на несомненный прогресс в разных сферах общественного развития, другие – на ее пороки и недостижение главной цели. В древнегреческой философии обсуждались апории (парадоксы) «Сорит (куча)» и «Лысый»: если зерна или волосы падают по одному, то после какого падения возникает плешь или куча? Доказывалось, что это невозможно установить. Не в таком ли положении находятся нередко и историки? Все же нельзя абстрагироваться от того, что основная цель столыпинской программы в предотвращении революции оказалась недостигнутой, и она еще обострила социальную напряженность. И в этом не помогла и наиболее эффективная его часть – массовые переселения крестьян.

Многие считают, что аграрная реформа не была поддержана снизу, в том числе и в Сибири [7. С. 133; 8; 9. С. 27 и др.]. Но В.Г. Тюкавкин решительно возражает против утверждений о крахе столыпинской реформы. В целом положительно оценивая реформы, он, однако, указывает лишь на их «определенные успехи», что характеризует его стремление не впасть в апологию Столыпина.

Все сходятся в общей высокой оценке значения переселения для сибирского края, это – один из самых важных этапов в освоении Сибири за всю ее историю. Другое дело, какие последствия имели эти переселения. М.В. Шиловский рассматривает последствия реформ в виде комплекса противоречий. Это – «унификация землепользования всех категорий сельского населения (старожилов, переселенцев и аборигенов); быстрое развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, существенное увеличение его товарности, оформление аграрной специализации территории; существенный рост численности населения... инновации в культурной сфере, хозяйственной деятельности и образе жизни селян», но и «социальная дифференциация, нарастание напряженности между старожилами и новоселами, «российскими» крестьянами и коренными жителями; эскалация противодействия властям

всего сельского социума региона» [7. С. 133]. Такая постановка вопроса правильна, но на первый план выдвигаются противоречия между старожилами и переселенцами. Что это не случайно, показывает и другая работа автора [10].

Изменение всей философии и методологии отечественной исторической науки, привнесение в нее ориентаций к «очеловечиванию» истории вызвали к жизни новые дискурсы мотиваций массовых переселений в Сибирь начала XX в. с осмыслением сложнейшего мира реальных чувств и переживаний, страхов и надежд миллионов людей.

Широко обсуждается вопрос о соотношении общинности и частнособственнических ценностей крестьянства. Некоторым кажется, что уж в Сибири-то, где не было помещиков, частнособственнические черты крестьянского сознания, безусловно, являлись основой мировосприятия. Это проявилось, например, в выступлениях части историков, в основном из центра страны, на крупной научной конференции «Экономическая история Сибири XX в.» в Алтайском госуниверситете в 2006 г. С этим нельзя согласиться. Сибирское крестьянство в гораздо большей мере являлось одним целым с общероссийским. О.А. Сухова пишет: «Живучесть общинных традиций во многом определялась условиями крестьянского хозяйствования на земле, неизменно воспроизводившимися в чередовании волн колонизации (подчеркнуто нами. – А.Х.)» [11. С. 614]. Нельзя игнорировать континуум процесса. Частная собственность воспринималась как неправомерная и несправедная: «земля – ничья, земля – божья»[11], при распространении к тому же настроений эгалитарности.

Изменились взгляды на общину и у В.Г. Тюкавкина. Он не осуждает ее, а, напротив, поддерживает. Но, характерно, не земельно-передельный аппарат общины (переделы он считал прогрессивными), а «крестьянскую коллективную организацию самоуправления», некий общинный образ жизни крестьянства [1. С. 169–171]. В.Г. Тюкавкину кажется, что так снимается противоречие между проектом столыпинского разрушения общинного землевладения, которое он поддерживает, и сопротивлением этому со стороны крестьян.

При исследовании столыпинского проекта закона 1908–1910 гг. о поземельном устройстве в Сибири обнаруживается, что в нем идея передачи надельных земель лишь декларировалась, причем на неопределенное будущее [12; 13; 14; 15]. Даже и в 1910 г., после поездки в Сибирь, Столыпин, настаивая по-прежнему на введении частной земельной собственности, допускал сохранение сибирской общины. М.В. Шиловский считает, что «введение частной земельной собственности... встретило бы мощное противодействие крестьян, особенно на землях Кабинета» [7. С. 141].

Стремление сибирских крестьян к земельной частной собственности нередко аргументируют увеличением работ по внутринадельному размежеванию наделов. По мнению В.Г. Тюкавкина, Ленин и советские историки имели в виду только процесс выхода из общин и не учитывали «успехи землеустройства». И другие историки, например М.А. Давыдов и И.М. Гарскова, указывают на недооценку землеустроительных работ в Европейской России [16. С. 216–217]. Но размежевание к 1912 г. охватило в Томской губернии

21,4 % земель переселенцев, а в Тобольской губернии – лишь 4 %. В целом внутринадельное размежевание не внесло серьезных изменений в жизнь даже и переселенческой деревни [17. С. 48, 50–52]. В большинстве случаев оно объяснялось сложностями в распределении земли или желанием части крестьян тут же «продать» землю или уступить в аренду [18. С. 30].

Важное значение имеет определение динамики общины в сибирской деревне: уменьшалась ее роль со временем или, наоборот, увеличивалась. Противоположных мнений придерживаются Н.Н. Родигина и И.А. Якимова [19. С. 70; 20. С. 47]. Л.В. Котович считает необходимым преодоление одностроннего подхода к общине, когда вопрос сводится только к земельным переделам, и это предопределяло ее усиление в начале XX в. [21. С. 48–49]. А.А. Чирков обосновывает положение о возросшем значении общины на Алтае как организации местного самоуправления и социальной защиты крестьян в начале XX в. [22. С. 152]. Подобные выводы находим и у В.М. Рыкова [23. С. 52–53]. Интересна мысль О.Н. Шмакова, что «в ходе «игры в хутора» и «похода на общину» произошел не ее распад, а «оздоровление» [7. С. 133].

Вырисовывается общая картина, что, возможно, ослабляясь, община затем стала быстро укрепляться и, наконец, превратилась в важнейшую социальную организацию с разносторонними функциями

В процессе модернизации устойчивые, архетипические, традиционные элементы менталитета продолжали существовать, но часть из них подвергались коррозии или эволюционным изменениям, в жизнь входило новое [24. С. 32–36; 25. С. 39–43].

Как повлияли массовые переселения и столыпинский виток модернизации на положение сибирского крестьянства?

Не вызывает сомнений, что политика переселений привела к улучшению жизни значительной части новоселов. Но и с переселенцами (различными его слоями) не просто, а с сибирским крестьянством в целом тем более вопрос сложный. Большое влияние оказала земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. В исследованиях наблюдался отход от прежней упрощенной ее оценки как крепостнической, грабительской и антикрестьянской. В землеустройстве были заинтересованы и значительные слои сибирского крестьянства. Но реформа привела к сокращению наделов, особенно у коренных народов [26; 27; 28 и др.].

Одна из наиболее адекватных оценок состоит в том, что «массовое переселение привело к нивелировке сибирской деревни на более низком уровне» [29. С. 68]. Близка к этому мысль М.В. Шиловского, что сельское хозяйство в результате реформ не гарантировало крестьянству края стабильного образа жизни.

Историки обратились к изучению зажиточности и зажиточной верхушки деревни, что является знаком времени. Этот слой обычно назывался мелкой буржуазией и потому третировался, а теперь, при новой идеологии, представит в качестве наиболее трудолюбивых и продуктивно плодотворных хозяйств, но подвергшихся ликвидации в процессе «советского раскрестьянивания». Имелись и радикально крайние выступления, совсем отрицавшие

существование мелкой буржуазии в деревне, объявлявшие это, как ни чудовищно, еврейской выдумкой руководства идеологов большевизма и марксизма вообще. Любопытно, однако, что среди этих злонамеренных евреев назывались Маркс, Ленин и другие, но не было, больше всех приложившего руку к «раскрестьяниванию» (если будем считать, что оно было), Сталина, — очевидно, потому что его уж совсем невозможно отнести к еврейству или подозревать в каких-то особых симпатиях к евреям [30. С. 15–16].

Н.Ф. Иванцова, приходит к выводу, что численность зажиточных к 1917 г. уменьшилась, но крестьянство данной группы становилось более самостоятельным [31. С. 134–135]. Г.Н. Скорлупин считает, что зажиточное крестьянство в Томской губернии составляло до 2/5 всех хозяйств, т.е. 40 %. И здесь тоже не обошлось без новомодного увлечения насчет вообще отсутствия в деревне капиталистических отношений [32]. Трудно представить, как можно осмысливать последствия модернизационных реформ Столыпина с утверждением таких усеченных методологических систем, отвергающих капиталистическую составляющую жизни деревни. Расхождения в оценках становятся возможными из-за глубокого несовпадения в определении критериев зажиточности крестьянского хозяйства, обнаружившегося и на XXVII сессии известного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 2001 г.

В современной историографической ситуации снимается «флер допорядочности» во взаимоотношениях российского государства и «русских» переселенцев с коренными народами Сибири. Имеются направления, которые находятся как бы ближе к традиционным теориям о том, что взаимоотношения с коренными народами в условиях Азиатской России принципиально отличались от того колониального типа, который был присущ США [33. С. 49]. Другая, в основном новосибирская, группа историков склонна к более жесткому позиционированию и усматривает сущность новых, современных подходов в необходимости применения распространенной на Западе теории фронта, применявшейся к колонизации в США и других западных колоний. Последствия стольпинских реформ для коренных народов оцениваются резко негативно [34. С. 19–20]. Иногда ставится вопрос о Сибири как «другой стране» — по крайней мере, что касается образа Сибири в сознании россиян. На это обратила внимание Н.В. Радигина, указав на работу Н.В. Сверкуновой [35].

В этих теориях можно видеть и как бы некую вестернизацию, определенное влияние западных историков, у которых распространены областнические идеи о Сибири как об особой стране и проявляется преувеличенное представление об уровне антимонархизма в Сибири. Мы столкнулись с этим непосредственно. В 2005 г. во Франфурте-на-Майне была опубликована книга «Сага о Сибири». В ней принимали участие в подавляющем числе историки западноевропейские и американские, из 16 разделов книги только 3 были написаны российскими авторами. Редактор Е.М. Столберг посчитала возможным сделать некоторые свои добавления в текстах авторов, не запрашивая их согласия. Примечательно, что в написанном нами разделе «Стальпинские реформы в Сибири» в числе прочего редактором добавлено, что

Столыпин, предприняв реформы, в том числе инициировав массовые переселения, опасался, что демократическая Сибирь может задушить европейскую монархию России [36. С. 99]. Думается, однако, что в данном случае мы имеем просто дело с тем, что в западноевропейских кругах вызывает серьезную настороженность «имперскость» России, прошлой и предполагаемой нынешней.

Выдвинулся ряд авторов в изучении ментальности дореволюционного сибирского крестьянства, поставивших многие интересные проблемы, часть которых здесь затрагивалась. Среди них отметим монографию Е.В. Карих, работы Б.Е. Андюсева, А.В. Матвеева, Н.М. Родигиной, М.И. Саврушевой, И.Н. Чернова, Т.В. Якимовой и многих других. Одним из центров изучения данной проблематики в последнее время стал Омск, где проводятся крупные научные конференции и издавались сборники трудов о сибирской деревне. Это отдельная большая тема, мы имели возможность раньше писать о ней [37. С. 229–249].

Все вместе взятое свидетельствует, что столыпинской модернизации и переселенческой политике в Сибири имело серьезное противостояние широкого населения. В осмыслении «сибирской модернизации» открывается много новых аспектов. Значительное сопротивление индивидуализации хозяйствования крестьянства может рассматриваться и как естественное развитие здесь индивидуально отличающегося модернизационного процесса. Это особый «сибирский» объект, но с субстратным уровнем общероссийской модернизации, а пространственное месторасположение Сибири определяло особую ее роль в формировании цивилизационной специфики России в целом. Все чаще выдвигается положение, что аграрная модернизация России имеет несколько иной вектор, нежели модернизация европейская [9. С. 27]: Соблазнительно убедительным выглядит и объяснение неудач Столыпина О.А. Суховой: «Государство не смогло предложить способа относительно безболезненной адаптации крестьянского «мироустройства» к темпам и масштабам модернизационных процессов в России» [11. С. 617].

Литература

1. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 303 с.
2. Храмов А.А. Вопросы современной концепции столыпинских реформ в Сибири // Современное историческое сибиреведение XVIII–XX вв. Барнаул, 2008. Вып. 2.
3. Шиловский М.В. Столыпинское переселение в Сибирь: 1910-й – год «великого перелома» // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005.
4. Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2002
5. Захарова Н.В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.
6. Пантелеев В. Столыпин ехал по Сибири. Красноярск, 2003. 115 с.
7. Шиловский М.В. Столыпинское переселение в Сибирь: 1910-й – год «великого перелома» // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005.
8. Шиловский М.В. Л.М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. и дальнейшая разработка этой проблемы отечественными

историками // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2002

9. *Курьшов А.М.* Трансформация сибирской общины в конце XIX – начале XX в. в контексте экономической модернизации России // Информационно-аналитический бюллетень. 2006. № 4.

10. *Шиловский М.В.* Крестьянские выступления 1861–1916 гг. в Томской губернии как форма правонарушений // <http://zaimka.ru/power/shilovskid1.shtml?print>.

11. *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и ментальности русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

12. *Якимова Т.В.* Представления крестьян о путях решения земельного вопроса в 1917 г // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, историки. Томск, 1991.

13. *Храмков А.А.* Вопрос о введении частной собственности на землю в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: законотворческая практика // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2.

14. *Храмков А.А.* Столыпинская земельная реформа в Сибири: общее и особенное // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000.

15. *Храмков А.А.* Разработка законодательства по вопросу о введении частной собственности на крестьянские земли в Сибири до революции // Вестник алтайской науки. Вып. 1: Эвристика. Барнаул, 2001.

16. *Давыдов М.А., Гарскова И.М.* Динамика землеустройства в ходе столыпинской реформы (статистический анализ) // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000.

17. *Минжуренко А.В.* Внутринадельное межевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). Красноярск, 1982.

18. *Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А.* Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2002.

19. *Родигина Н.Н.* Непосредственные исследователи переселенческого движения об особенностях общинного самоуправления в Сибири во второй половине XIX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2000.

20. *Якимова И.А.* Некоторые проблемы пореформенной крестьянской общины в Сибири в трудах историков-сибиреведов 60–90-х гг. XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2000.

21. *Котович Л.В.* Принятие управленческих решений по обстоятельствам сельскими сходами Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2000.

22. *Чирков А.А.* Община и власть на Алтае (1906 – июнь 198 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Бийск, 2003.

23. *Рышков В.М.* Сельское ростовщичество, кооперация, община в Сибири: к вопросу о их взаимодействии // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2000.

24. *Андрюсов Б.Е.* К вопросу о результатах эволюции стереотипов-значений в ментальности русских старожилов в процессе освоения Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004.

25. *Матвеев А.В.* Некоторые нормы поведения русских Среднего Прииртышья во время путешествия (XIX – первая треть XX в.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004.

26. *Храмков А.А.* Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул: АлтГУ, 1994.

27. *Козут М.Т.* Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности российского крестьянства (1896–1917 гг.) // Проблемы историографии и истории. Омск, 2002.

28. *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. 289 с.

29. *Ильиных В.А.* Социальная мобильность сибирского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв. // *Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII – XX вв.* Новосибирск, 1999.
30. *Северьянов М.Д.* К вопросу о социальной дифференциации деревни // *XX век: исторический опыт освоения Сибири.* Красноярск, 1993.
31. *Зажиточное* крестьянство России в исторической ретроспективе. М., 2001.
32. *Скорлупин Г.Н.* Зажиточное крестьянское хозяйство Томской губернии в системе аграрного производства и социальных отношений конца XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Бийск, 2005.
33. *Дамешек Л.М.* Историко-типологические модели инкорпорации нерусских народов в состав российской империи: сибирский вариант // *Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.* Новосибирск, 2005.
34. *Резун Д.Я.* Люди на сибирском фронтире в XVII–XIX вв. // *Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.* Новосибирск, 2003.
35. *Сверкунова Н.В.* Сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2001.
36. *Khramkov A.A.* Stolipin's Reforms in Siberia // *The Siberian Saga.* PETER LANG. Frankfurt am Main·Berlin·Bern·Bruxlles·New York·Oxford·Wien. 2005.
37. *Храмов А.А.* Ментальные основания социальной жизни и хозяйствования сибирского крестьянства в начале XX в. (к постановке вопроса) // *Экономическая история Сибири XX века.* Барнаул, 2006.